

Думный дворянин генерал-поручик Г.И. Косагов

А.А. Рогожин

Генерал Г.И. Косагов оставил заметный след в истории нашей страны, однако его имя практически неизвестно широкому кругу отечественных историков. Пристальное внимание специалистов было сосредоточено на полководцах эпохи Российской империи, тогда как военные деятели XVII в. в лучшем случае упоминались вскользь в отдельных трудах. Личность же Григория Ивановича Косагова в мире русского XVII столетия, в окружении нечетких силуэтов и расплывчатых образов других военачальников и политиков, неожиданно вырастает из вороха архивных документов, представая живой, «человечной», резко контрастирующей с аристократией Московского государства. Он был такой не один — XVII век подарил русской истории имена других людей, чья жизнь и деятельность не укладывается в привычные рамки представлений о допетровской эпохе и остается предметом непрекращающихся споров и дискуссий. Достаточно лишь вспомнить князя В.В. Голицына или Федора Шакловитого, хотя при желании список можно продолжить. Быть может, были и другие, не менее талантливые и одаренные деятели, но «сумерки» «бунташного» века скрывают их биографии от нас, отделяют годами, десятилетиями и веками, затрудняя понимания их жизни, мотивов и принципов, что этой жизнью руководили. Тем не менее, даже памятуя об этих исключениях, фигура генерала Григория Косагова остается неординарной и во многом удивительной.

Предки Григория Косагова не относились к старой русской аристократии, происходя из слуг митрополичьего дома¹. Тем не менее, отдельным представителям рода Косаговых удавалось продвинуться в служебной иерархии. Отец Григория Ивановича, Иван Иванович Косагов, в 1646 г. являлся головой «у стряпчих и дворян Московских»². Честь, оказанная отцу Григория Косагова, свидетельствовала об его авторитете и уважении, которое к нему питало московское дворянство.

Дворяне и дети боярские, по достижении определенного возраста, обязаны были нести службу в поместной коннице, что рассматривалось как почетная обязанность. Точной даты начала службы самим Г.И. Косаговым мы привести не можем, но известно, что в 1641 г. он получил чин стряпчего, о

чем сообщает краткая отметка в Записной книге Московского стола: «Марта в 22 день государь пожаловал из житья в стряпчие Григорья Иванова сына Косагова»³.

Реальный шанс отличиться и обратить на себя внимание Косагов получил в русско-польской войне 1654—1667 гг. С февраля 1655 г. он находился в полку Ю.А. Долгорукова, который входил в Севскую армию А.Н. Трубецкого⁴. Однако дальнейшая служба Косагова была связана на долгие годы с Белгородским разрядом — военно-административным округом, который находился под командованием Г.Г. Ромодановского.

Впервые самостоятельно Косагов возглавил отряд «ратных людей» в 1658 г., во время похода Белгородского полка на Украину против И. Выговского⁵. В дальнейшем Григорий Косагов пользовался расположением Ромодановского. Состав и численность отряда Косагова (в мае 1660 г. — 4074 чел.: дворяне и дети боярские разных городов, 250 рейтар, 200 донских и орешковских казаков, 837 солдат и приданный Ахтырский полк Ивана Гладкого⁶) дает основание утверждать, что к 1660 г. Косагов зарекомендовал себя с лучшей стороны перед Ромодановским. Подобный шаг был бы вполне в духе последнего, человека прямого и честного, привыкшего судить о подчиненных по их профессиональным навыкам — так о Ромодановском отзывались сослуживцы, в частности, шотландец П. Гордон⁷.

Косагов со своими «ратными людьми» был одним из важнейших инструментов правительственной политики на территории Украины. Он напоминал об интересе Москвы, был его зримым воплощением и, несмотря на несовершенство организации вверенного ему войска, представлял значимую силу в борьбе на Украине. В делах ему помогали умение руководить казаками, причем как казаками, или черкассами, «украинных земель», так и донскими, яицкими и прочими, а также талант командира конного отряда, умевшего наносить стремительные удары. Впрочем, учитывая удачный опыт «осадного сидения» в небольших крепостях, следует отметить, что Григорий Косагов обладал разнообразными познаниями в области военного искусства.

За время пребывания на Украине Косагов заработал репутацию непобедимого командира, готового исполнить любое, самое сложное задание. В наказах и похвальных грамотах царя Алексея Михайловича, отправленных в 1660-х гг. в Запорожье, стряпчий уважительно назывался по имени-отчеству, «Григорий Иванович Косагов», хотя никакого указа о пожаловании ему права писаться в официальных документах с «вичем» не было⁸. Подобное именование можно считать ценным знаком царского внимания, проявлением уважения со стороны монарха к верному «служилому человеку».

До определенного времени серьезные ранения обходили стороной Косагова. Однако в Боярской книге 1658 г. указано, что за ранение «нынешнего 177-го году по росписке ис приказного стола» Григорий Иванович получил прибавку к поместному и денежному окладам «50 чети, денег 6 рублей»⁹. 177-й г. — это осень-зима 1668 г. или весна-лето 1669 г., в любом случае после заключения Андрусовского перемирия с Речью Посполитой. Вероятно, ранение Косагов мог получить в стычке с татарами. Однако для «служилого человека» в XVII в. на южных рубежах России война не заканчивалась никогда, лишь поздней осенью и зимой затихая, чтобы вспыхнуть с новой силой в будущем году. Ранение серьезных последствий для Григория Ивановича не имело — уже в том же 177-м г. Ромодановский в знак своего благоволения и признательности отправил Косагова с сеунчем в Москву, чтобы сообщить об избрании гетманом Демьяна Многогрешного и о положении на Украине¹⁰.

В марте 1671 г. Косагов, пожалованный ранее, в начале 1666 г., чином стольника, был послан против отрядов С. Разина. Под началом Григория

Рогожин Александр Александрович — аспирант Орловского государственного университета.

Ивановича был сводный отряд из рейтар и драгун, поэтому в документах Косагова именовали уже «копейного и рейтарского строя стольник и полковник». Повеление Алексея Михайловича заключалось в том, чтобы «...послать на Дон, в Черкасской городок, копейного и рейтарского строю стольника и полковника, Григорья Косагова, а с ним наших великого государя ратных людей, Севского и Белгородского полков, с начальными людьми, рейтар тысячу человек, драгун то ж число, выбрав самых добрых и конных и оружных и домовных людей, которые по твоему боярина нашего и воеводы розбору ныне оставлены в Курске». Стольнику Косагову велели также выдать государю жалованье — 20 золотых червонных¹¹.

Находясь в пути, Косагов получил известие, что необходимость в походе отпала — Разин уже был схвачен¹². Теперь задача Косагова заключалась в препровождении под конвоем Разина в Москву¹³.

Алексей Михайлович не забыл верного стольника Косагова и летом 1671 г. отправил его на Дон уже с новым заданием. После поимки Разина нужно было пожаловать верных казаков. С этой благородной миссией и направился стольник и полковник Косагов в сопровождении присланного из Москвы дьяка А. Богданова. Всего из Москвы было послано 3000 руб. денег, 100 пудов «зелья ручного», 50 пудов свинца, в Воронеже также должны быть взяты для дачи казакам 4000 четвертей хлеба и 200 ведер вина. Вместе с Богдановым из Москвы отправились донские войсковые атаманы Корнило Яковлев и Михайло Самаренин с 93 казаками. Они должны были охранять ценный груз. Однако основной задачей Косагова было весьма щекотливое дело — привести донских казаков к «крестному целованью», присяге Алексею Михайловичу¹⁴.

Приведение вольнолюбивых казаков к присяге было делом непростым. Косагов еще в начале похода узнал, что в Царицыне атаманом Ф. Шелудяком были специально оставлены мятежные казаки с намерением захватить царскую казну. Пробраться пришлось через казачьи городки в верховьях Дона, а заодно и уговаривать местных казаков служить верно царю и не приставать к шайкам «воров»¹⁵.

Стольник Григорий Косагов сумел оправдать возложенное на него царем доверие, выполнив весьма непростую миссию с честью — не просто довез до Дона царскую казну в то время, когда все его верховье было наполнено разбойничьими шайками, но и сумел привести казаков к присяге на верность и даже уговорил их отправиться на царскую службу под Астрахань. Да и потери отряда Косагова за время его участия в борьбе против мятежных казаков составили всего 3 человека убитыми¹⁶. Сказывался навык общения с вольными казаками, приобретенный Косаговым за годы службы с ними в войсках Белгородского разряда. В качестве награды за службу стольник Косагов был отправлен на воеводство в Саранск, что являлось знаком признания его заслуг: назначение на воеводскую службу для представителя неродовитого дворянства было явным выражением монаршей милости¹⁷.

Впереди заслуженного командира ждали новые победы, чему немало «поспособствовало» новое ухудшение внешнеполитической ситуации. Главным вопросом во внешней политике России 1670-х гг. были отношения с Османской империей. В 1672 г. Московское государство объявило войну Османской империи. На первом ее этапе Алексей Михайлович стремился избежать активных действий и серьезных столкновений с крупными силами противниками, поэтому основные сражения происходили на отдаленном Азовском театре военных действий.

В ходе подготовки этого похода под Лебедяню, близ Воронежа, было начато строительство нескольких сот речных транспортных судов и десятков

судов, предназначенных для действий в море. На этих судах в поход на Азов направились «ратные люди»: два солдатских полка и восемь стрелецких приказов, общая численность которых достигала 7941 человек. Командовать отрядом были назначены И.С. Хитрово и Г.И. Косагов¹⁸. Этот отряд был авангардом русской армии, которая должна была штурмовать турецкую крепость. Волей судьбы «авангард» стал единственным отрядом, боровшимся против турок на Азове¹⁹.

Азовский поход Алексея Михайловича завершился неудачно: хотя и удалось блокировать Азов со стороны моря, но из-за недостатка пехоты и конницы завершить блокаду крепости, лишив ее от сухопутного сообщения не смогли; поэтому от Азова пришлось отступить²⁰.

В 1674 г. Косагов проявил себя в новом качестве — командующего морской «эскадрой». Используя оставшиеся морские суда, построенные под Лебедяню, а также разлив Дона, позволявший пройти мелкосидящим судам в море, 25 стругов с солдатами, стрельцами и донскими казаками под общим командованием Косагова направились мимо турецких укреплений к р. Миусу, пытаясь обойти кочующих здесь несколько тысяч крымских татар. Однако у мыса Кезарог стоял наготове сильный и искушенный в морских делах турецкий галерный флот, и Косагов благоразумно решил повернуть обратно²¹. В октябре 1674 г. его отозвали в Москву.

В 1676 г. начался новый этап в войне с Турцией — Чигиринские походы. Русская армия под командованием Ромодановского собралась в Курске²². Однако в походе главные силы князя продвигались медленно из-за большого обоза и артиллерии. В данной ситуации время играло против русских, так как необходимо было как можно быстрее разгромить войско мятежного гетмана П. Дорошенко, не дав ему шанса отсидеться в крепости и дожидаться помощи со стороны османов. Поэтому за 100 верст до Днепра Ромодановский выделил 15 тыс. корпус под командованием полковника Косагова, который был усилен тремя полками казаков под командованием генерального бунчужного Леонтия Полуботка. Этот сводный отряд, переправившись через Днепр, в коротком сражении разгромил вышедшего из крепости с казаками Дорошенко и осадил Чигирин, в котором успел укрыться правобережный гетман. Сам факт, что столь крупный отряд был доверен Косагову, именованному в документах полковником копейного и рейтарского строя, говорит об особом положении, которое он занимал в Белгородском разряде. Косагов ценился как военный специалист с боевым опытом, поэтому Ромодановский отдавал под его командование значительную часть своего войска.

19 сентября 1676 г. гетман Правобережной Украины вышел из города в сопровождении жителей и духовенства для присяги царю. Дорошенко был отвезен в лагерь Ромодановскому в сопровождении Косагова и Полуботка, где сдал знаки гетманского достоинства²³. Чигирин оказался в русских руках.

В конце 1676 г. соотношение сил в войне с турками поменялось кардинально. В октябре Ян Собеский заключил с турками мирный договор в Журавне. За Турцией оставалась захваченная ими Подолия с городом Каменец, а поляки обязались оказать помощь в войне против России²⁴. Постепенно из войны коалиций и союзников война превращалась в отпор противникам России почти по всей протяженности южных границ государства.

29 июня 1677 г. турецкая армия под командованием Ибрагима-паши по прозвищу Шайтан выступила в поход от Дуная и осадила Чигирин уже 3 августа. Армия Османской империи состояла из 60 тыс. турецких солдат, из которых от 10 до 15 тыс. человек были янычарами, осадной артиллерии числом 35 орудий, а также 19 тыс. молдаван и валахов, которым была предназначена в этой кампании роль вспомогательных войск. Кроме того, на

стороне турок сражались крымские татары, численностью до 40 тыс. человек, возглавляемые ханом, и Юрий Хмельницкий, выступавший скорее в качестве идеологического подспорья в этой борьбе, потому как реальной военной силы сын Богдана Хмельницкого за собой не имел²⁵.

25 августа русская армия, поддерживаемая казаками И. Самойловича, подошла к Днепру возле Бужина и стала готовиться к переправе²⁶. При переправе через Днепр полк под командованием А.А. Шепелева отправился на противоположный берег и удерживал плацдарм. Следом, на том берегу Днепра, к Шепелеву присоединился со Вторым выборным полком М.О. Кровков. Отличился в этой переправе и Косагов. В походе 1677 г. он еще был в звании полковника, но после него в документах упоминался уже в чине генерал-майора. Заслуги Косагова, позволившие ему получить генеральский чин, заключались, в первую очередь, в его удачных действиях в бою 28 августа. Ибрагим-паша, видя, что малыми силами нет возможности остановить переправу русских войск, приказал усилить обстрел Чигирина, перебросив основную часть армии к Бужину. 28 августа татарско-турецкое войско встретилось с переправленным на противоположный берег 15 тыс. отрядом под командованием Косагова, в состав которого входила отборная конница. При подготовке к переправе, Григорию Косагову передали под начало значительное число ратников, «выбрав из полков, конных знатных и добрых людей». Среди казаков выбирали желающих сразиться с турками и крымцами, «кампанейщиков». Для усиления своего отряда Косагов попутно захватил пехотные отряды с днепровского острова, которые должны были оказать огневую поддержку²⁷.

На противоположном берегу Косагов не стал уклоняться от сражения, и завязал бой с численно превосходящим противником. Фортуна любит смелых, и победа в этом бою досталась русским войскам. Турок и татар «многих побили, гоня их на пять верст от Днепра...» Ожесточенность сражения подтверждал тот факт, что среди убитых оказались сын крымского хана, несколько сыновей турецкого паша, высшие турецкие офицеры и татарская знать²⁸. Это сражение предопределило исход кампании 1677 года. На следующий день, 29 августа, турки, оставив осадную артиллерию и весь обоз под стенами Чигирина, начали беспорядочное отступление, больше напоминавшее бегство.

После кампании 1677 г. русское правительство предприняло некоторые шаги по нормализации русско-турецких отношений. Однако отправленное в Константинополь посольство с предложением мира не нашло понимания у турок²⁹. Стал очевидным тот факт, что война с Османской империей далека от завершения.

Грядущие планы турок стали известны русским заранее. В феврале 1678 г. с гетманом Самойловичем встретился уже генерал-майор Г.И. Косагов, посланный с похвальными царскими словами за службу предыдущего года, с богатыми дарами, пожалованными казацким старшинам Федором Алексеевичем, а заодно и с вестями, полученными из Киева и Чигирина: о подготовке турками и крымскими татарами нового, еще более масштабного штурма Чигиринской крепости³⁰. Косагов передал также гетману царское повеление готовить подводы для перевозки пушек и пушечных ядер и прочих запасов под Чигирин³¹.

Князь Ромодановский, помня о трудностях перехода через Днепр при сопротивлении противника, решил заранее позаботиться о переправе с наименьшими потерями. В апреле вперед был отправлен корпус под командованием Косагова, усиленный двумя казачьими полками. Всего под началом Григория Ивановича находилось 9719 человек. В его задачи входило

обеспечение надежной переправы основного русского войска и усиление гарнизона Чигирина³².

Косагов, не мешкая, отправился к Днепру. Переправу он осуществлял возле Максимовского монастыря, где заранее были заготовлены плоты и лодки. 21 июня 1678 г. укрепленный лагерь на правом берегу Днепра был построен. Однако вскоре выяснилось, что место, выбранное для организации лагеря, Ромодановского не устроило³³. Дело в том, что привычный походный порядок русского войска предполагал продвижение «вагенбургом», когда пехота и конница ограничены и защищены со всех сторон обозными подводами, позволявшими вести огонь и затруднявшие стремительное нападение противнику. Такой порядок был наиболее действенен против легкой конницы крымских татар, единственной силы, которая могла реально представлять угрозу русским в отдалении от Чигирина. В таком порядке пройти до крепости было невозможно из-за природных особенностей местности. Чтобы подойти к Чигирину, необходимо было переправиться через р. Тясьму, а дорога к бродам от укрепленного лагеря Косагова пролегла через лесистую и болотистую местность, непригодную для широкого строя и труднопроходимую для обозов и пушек³⁴.

В конце июня 1678 г. Косагов устроил новый лагерь, напротив Бужинской переправы, из которого в Чигирин вел широкий и просторный шлях, но имеющий по пути цепь возвышенностей, пригодную для действия вражеской артиллерии и создания укреплений противника. Тогда же для усиления к Косагову присоединились отряды донских казаков. Основные же силы подошли к Днепру только 6 июля, когда уже турецкая армия под командованием визиря Кары-Мустафы начала осаду Чигирина³⁵.

После этого имя Косагова почти исчезло из летописи Чигиринского похода 1678 года. В документах, подробно описывающих ход противостояния русских и турок лишь упоминались события 9 июля, когда вечером, под охраной корпуса Косагова в Чигирин было отправлено подкрепление в составе 2200 человек. Генерал, оставив по приказу укрепленный лагерь и брод через р. Тясьму, сопровождал подкрепление до крепости³⁶. После этого решающей роли корпус Григория Косагова не играл. Можно лишь предположить, что он выполнял вспомогательные задачи, защищая русские позиции от наскоков крымских татар. В конце концов, большую часть времени русским войскам под Чигирином приходилось штурмовать укрепленные турецкие позиции, а здесь пехотные формирования были более уместны. Под началом Косагова хотя и был пехотный полк, но все-таки его корпус привык воевать в конном строю, да и сам генерал-майор имел навык лихих кавалерийских атак, которые были больше востребованы против степняков, чем против упорных янычар. Собственно, поэтому знаменитый штурм Чигиринских высот 3 августа 1678 г. обошелся без активного участия генерала. В нем отличились другие командиры, другие полки.

Чигиринский поход 1678 г. закончился для русской армии неудачей — 11 августа крепость была сдана врагу. К тому времени Чигирин представлял собой груды дымящихся развалин — сказались не только усердие турок при осаде, но и храбрость отступавшего гарнизона, успевшего взорвать укрепления крепости. Русская армия отступила от Чигирина в августе 1678 года.

После этого сменился командующий, воевода Белгородского разрядного полка, которым стал вместо Ромодановского боярин И.Б. Милославский: в ноябре 1678 г. в качестве руководителей Белгородского разрядного полка «указано быть против турок» боярину Милославскому, окольникову И.А. Чирикову и «стольнику Григорью Иванову сыну Косагову»³⁷.

Григорий Косагов именовался уже генерал-поручиком. Можно предположить, что действия стольника в Чигиринском походе были по достоинству

оценены, и Федор Алексеевич пожаловал ему следующий генеральский чин. Косагов получил под свое начало десятитысячный боевой корпус, преимущественно конный, с которым ему управляться было привычнее. В реальности «ратных людей» было несколько меньше, но отряд Косагова по-прежнему оставался грозной силой³⁸.

К концу 1670-х гг. из-за непрекращающихся набегов крымских татар московское правительство осознало необходимость сооружения нового защитного вала, взамен обветшавшей и утратившей прежнее оборонительное значение Белгородской черты. Благодаря этому решению, в 1679 г. Косагову пришлось отметить в новом качестве. Дело в том, что строить новую линию укреплений предполагалось силами «служилых людей», располагавшихся поблизости, в том числе и «ратниками» генерал-поручика Косагова.

Осмотрев отведенный участок строительства, он пришел к мысли о пересмотре генерального плана и перенесении укреплений за р. Мжу, для охвата большей территории. Главным доводом генерала была организация эффективной обороны против набегов крымских татар. По участку строительства Косагова проходил знаменитый Муравский шлях, дорога, по которой татары совершали набеги, в том числе и последний, зимой 1680 года. Согласно новому плану строительства, предложенному Косаговым, оборонительная черта перерезала эту дорогу, затрудняя татарам проникновение на территорию уездов Белгородского разряда³⁹.

После отъезда в Москву боярина П.В. Шереметева Косагов стал товарищем князя П.И. Хованского, продолжая строить вал. За время, проведенное генералом на строительстве Изюмской черты, помимо общего руководства работами на своем участке, он соорудил 13 сажень вала «с себя», то есть с помощью нанятых на собственные средства людей, при норме сажень с человека. Косагов построил также несколько укрепленных городков по новой черте. Кроме того, генерал руководил в 1681 г., до отъезда с южных рубежей в Москву, сооружением городка Изюм, призванного стать одним из центров обороны Изюмской черты. В этих работах он был особенно заинтересован, так как решение построить этот городок, со временем превратившийся в достаточно крупный город на южных рубежах России, принималось благодаря инициативе генерала. Одна из башен в крепости была сооружена Григорием Косаговым за собственный счет, «с поместий»⁴⁰.

В начале 1682 г. было принято решение возобновить строительные работы на черте, работая на наименее укрепленном участке. Однако уже в июне в Москве решили прекратить все работы. Дьяк Разрядного приказа Федор Шакловитый отзывал генерала Григория Косагова в столицу⁴¹.

Время регентства царевны Софьи Алексеевны было наивысшей точкой в карьере генерала Г.И. Косагова, но взлет к вершинам завершился падением. Последнее было обусловлено внутривластными распрями, борьбой вокруг трона между царевной Софьей Алексеевной и подростком Петром. На стороне Софьи выступал В.В. Голицын, один из самых известных политиков своего времени, который и приблизил к себе многих способных, но не слишком знатных людей, в числе которых был и Косагов.

В правление царевны Софьи Косагов получил чин думного дворянина, дающий ему право участвовать в заседаниях Боярской думы. Впрочем, часто генерал не имел возможности пользоваться этим по причине нахождения на южных рубежах страны. Пожалование состоялось в январе 1688 г., в период решительной борьбы за первенство в Боярской думе между сторонниками партии Милославских и Нарышкиных. Поэтому Косагов может рассматриваться как «козырь» князя Голицына в этой борьбе⁴².

Генерал участвовал и в Крымских походах Голицына, но fortuna оказалась изменчивой. Отстранение от власти Софьи привело и к ссылке Голицына, который увлек за собой всех своих ставленников. Де ла Невиль, повествуя о событиях 1689 г., приведших к власти партию Петра, достаточно подробно описывал попытку Голицына смягчить свое наказание добровольной явкой к Петру. Князь «взял с собою сына своего Алексея, друзей, дворецкого Толочанова, великого казначея Ржевского, воеводу Севского Неплюева — советника своего и любимца, свою креатуру Змиева, который в армии был генерал-комиссаром, и своего близкого приятеля, некоего Косагова»⁴³.

В отличие от многих других «приятелей» Голицына, Косагов практически не пострадал — он был оставлен в прежней должности. Видимо, в пользу генерала сыграл тот факт, что большую часть жизни он проводил на южных рубежах России, вдали от придворных смут, храбро воюя со всеми ее противниками и не позволив ни разу усомниться в своей преданности монарху как таковому⁴⁴. Однако прежнего доверия со стороны власти генерал уже не имел. В 1692 г. он был назначен Путивльским воеводой⁴⁵, больше никакими сведениями о его службе в составе действующей армии мы не располагаем.

Одной из самых известных, прежде всего современникам, особенностей, жизненных привычек Григория Ивановича была его поистине неистребимая любовь к женщинам. Слабость к женскому полу прошла через всю его жизнь, не будучи ни в коей мере секретом для окружающих. Новый запорожский кошевой Рог, сообщая гетману Брюховецкому причину неожиданного ухода Косагова с русскими ратными людьми из Запорожья, не преминул язвительно заметить: «Мы и сами надивиться не можем, зачем он ушел? Мы его не выгоняли; мы не изменники, как он нас описывает; не знаем, не для того ли пошел, что у нас кукол ночных нет, с которыми, думаю, на Руси уже натешился...»⁴⁶. Намек вполне понятен без дополнительного разъяснения. Возможно, любвеобильность Косагова была известна достаточно широкому кругу людей, с которыми Григорий Иванович сталкивался по долгу службы.

В семье Косаговых, среди его потомков передавался слух, о том, что именно любвеобильность довела храброго генерала до могилы, якобы умер он от «любопытной болезни». Так это или нет, проверить затруднительно, однако страсть к женщинам, как определяющая родовая черта, передалась от Григория Ивановича его потомкам.

Г.И. Добрынин, чиновник второй половины XVIII — начала XIX в., оставивший любопытные воспоминания, сообщал читателям, как в 1770-х гг. посетил имение последнего представителя рода Косаговых, гвардии капитана Андрея Ивановича Косагова. Оказалось, что А.И. Косагов содержал у себя в имение, втайне от светских и духовных властей, целый гарем на турецкий манер, «с девками разного состояния», даже с «любимой женой», «султаншей», поповной села, принадлежащего bravому капитану. Шила в мешке не утаишь, и слухи о таком «противохристианском блюде» дошли даже до Севского архиерея⁴⁷.

Неординарность Григория Косагова проявлялась и в его интеллектуальных увлечениях. В 1675 г. его духовник подал на генерала «извет», обвиняя его в чтении «еретических книг»⁴⁸. Что подразумевалось под этим определением, сказать сложно, но представляется вполне очевидным, что некоторые книжные пристрастия Григория Ивановича лежали в стороне от привычного на Руси «душеполезного» чтения. Быть может, на увлечения Косагова повлияло долгое пребывание на Украине и возможность познакомиться с литературой Южной и Западной Руси, литературой польского происхождения, которая вполне подходила под определение «еретической».

Генерал и сам довольно бойко владел пером. До нас дошли несколько его писем разным адресатам, написанных в живой и яркой манере. Порой эти письма позволяют добавить несколько штрихов к портрету Косагова. Например, в письме своему отцу стряпчий Григорий Иванович сообщал о непростом положении в Запорожье, грозившем серьезными последствиями: «Батюшка! Помилуй меня, дай благословение и прости, потому что, думаю, в последний раз пишу к тебе. Если черкасские города сдадутся, то и Запорожье сдастся королю и мне с Серком тут мат: и теперь бунтуют и на нас совещаются; чуть только осият, сейчас выдадут нас или ляхам, или татарам»⁴⁹. Кроме проникновенных слов человека, оказавшегося в отчаянном положении, внимание привлекает шахматный термин, естественно проникший в ткань повествования. Этот шахматный «мат» говорит об увлечении генерала древней игрой, увлечении серьезном, коль с такой легкостью употребляется в личном письме. Впрочем, любовь к шахматам в Московском государстве вполне обычна для представителей различных сословий, особенно для «служилых по отечеству».

Григорий Косагов — фигура парадоксальная. Плоть от плоти «бунташного» века, он выбивается из общего ряда персоналий и привлекает внимание по мере освоения документальных свидетельств о его жизни. Порой создается впечатление, что ни одно важное событие второй половины века, вплоть до свержения царевны Софьи, не обошлось без участия Г.И. Косагова. Мы видим его на полях сражений русско-польской войны 1654—1667 гг., на Дону против отрядов Разина, против турок под Азовом, а потом и в кровопролитных битвах под Чигирином. Он разрушал и строил, побеждал и проигрывал, терпел голод и холод, но всегда был верен царю и неизменно честно исполнял долг «служилого человека». Его образ драматичен, возможно, в силу уникальности его карьеры, его неуклонного движения вверх в иерархии Московского государства, а потом стремительного падения и долгих лет забвения его имени. В каждом его действии, его приказе, письме, челобитной есть отпечаток личности самого Григория Косагова, частица его характера и незаурядных личных качеств. Постепенно имя Г.И. Косагова исчезло из официальных документов, и даже невозможно сказать, в каком году храбрый генерал умер. С правлением Петра началась совсем другая эпоха, выдвинувшая новых, энергичных и талантливых людей, сподвижников царя, «птенцов гнезда Петрова», но заслуги перед страной Григория Ивановича Косагова мы забывать не вправе — его яркая и героическая жизнь достойна памяти потомков.

Примечания

1. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Ономастикон. М. 1974, с. 136.
2. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского величества канцелярии. Т. III. 1645—1676 гг. СПб. 1852, стб. 37.
3. Записная книга Московского стола 7149 года (1640, сентябрь — 1641, август). — Русская историческая библиотека. Т. X. СПб. 1886, с. 260.
4. МАЛОВ А.В. Русско-польская война 1654—1667. М. 2006, с. 15.
5. БАБУЛИН И.Б. Поход Белгородского полка на Украину осенью 1658 г. — Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 1-й. М. 2009, с. 272—285.
6. Акты Московского государства. Т. III. СПб. 1901, №89(1), с. 88.
7. ГОРДОН П. Дневник. 1677—1678. М. 2005, с. 7.
8. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. V. СПб. 1867, № 63 (I, IV, XI, XIX, XXI), с. 134, 136, 147, 156—157, 161.
9. Боярская книга 1658 года. М. 2004, с. 75.
10. Там же, с. 75.

11. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. Т. III. М. 1962, № 21, с. 27—28.
12. Там же, № 53, с. 60.
13. Там же, № 57, с. 63—64.
14. Там же, № 98, с. 102—103.
15. Там же, № 153, с. 169.
16. Там же, № 153, с. 170; САВЕЛЬЕВ Е.П. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века. СПб. 1996, с. 365.
17. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные... Т. III, стб. 460.
18. ЗАГОРОВСКИЙ В.П. Изюмская черта. Воронеж. 1980, с. 82.
19. ЛОБИН А.Н. Подготовка похода на Азов: малоизвестный эпизод русско-турецкой войны 1672—1681 годов. — Война и оружие: Новые исследования и материалы. Научно-практическая конференция 12—14 мая 2010 г. Ч. II. СПб. 2010, с. 38.
20. СОЛОВЬЕВ С.М. История России с древнейших времен. СПб. Кн. 3. Т. XII, стб. 451.
21. ЗАГОРОВСКИЙ В.П. Ук. соч., с. 84.
22. МАЛОВ А.В. Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин в 1677—1678 годах. В кн.: ГОРДОН П. Ук. соч., с. 189.
23. КАРГАЛОВ В.В. Полководцы XVII в. М. 1990, с. 359.
24. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676—1681 гг. В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Т. VI. М. 1955, с. 520—521.
25. Там же, с. 521.
26. Там же, с. 522—523.
27. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. XIII. СПб. 1884, № 80, стб. 301.
28. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Ук. соч., с. 523.
29. Там же, с. 524.
30. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. XIII, № 108, стб. 467—472.
31. Там же, № 111, стб. 475.
32. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Ук. соч., с. 525.
33. КАРГАЛОВ В.В. Ук. соч., с. 383.
34. Там же, с. 384—385.
35. Там же, с. 383, 385.
36. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Ук. соч., с. 525.
37. Записная книга Московского стола 1678—1679 гг. — Русская историческая библиотека. Т. XI. СПб. 1889, с. 332.
38. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. IX. СПб. 1875, № 46, с. 116; Записная книга Московского стола..., с. 419.
39. ЗАГОРОВСКИЙ В.П. Ук. соч., с. 143—144.
40. Там же, с. 148, 208.
41. Там же, с. 216—217.
42. ЛАВРОВ А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. М. 1999, с. 95.
43. НЕВИЛЛЬ де ла. Любопытные и новые известия о Московии. В кн.: Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л. 1986, с. 507.
44. СОЛОВЬЕВ С.М. Ук. соч. Т. XIV, стб. 1078.
45. Записная книга Московского стола Разрядного приказа 7202/1693—1694 гг. В кн.: НОВОХАТКО О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М. 2001, с. 332.
46. СОЛОВЬЕВ С.М. Ук. соч. Т. XI, стб. 159.
47. ДОБРЫНИН Г.И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная. 1752—1827. — Русская старина. 1871. Т. III, № 5, с. 564—571.
48. АФАНАСЬЕВ А.Н. Древо жизни. М. 1982, с. 418—419.
49. СОЛОВЬЕВ С.М. Ук. соч. Т. XI, стб. 125.